

Гилязова Ксения Ивановна

Магистрант

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Гражданское право, семейное право, международное частное право

Развитие института самозащиты гражданских прав

Аннотация. В статье проводится исследование развития института самозащиты в российском праве. Основными результатами исследования являются выявление проблем правового регулирования по самозащите гражданских прав в договорных и внедоговорных обязательствах, самозащите права собственности. Соотношение самозащиты гражданских прав с самоуправством и превышением пределов необходимой обороны.

Ключевые слова: право владельца, самоуправство, договорные обязательства, внедоговорные обязательства, проблемы правового регулирования.

Д.И. Мейер говорил о самозащите как о разновидности защиты прав, при которой она реализовывается самим его носителем, в отличие от судебной защиты, которая осуществлялась «органами власти государственной» [5]. Он считал, что самозащита допускается «только по исключению, когда помощь со стороны государства может явиться слишком поздно». По мнению ученого, вопросы об условиях безнаказанности самообороны и безнаказанности произвола являются предметом изучения уголовного права, единственное отличие состоит в том, что некоторые из форм безнаказанности произвола являются выражением особых гражданских прав: право удержания и право самовольного установления, а также осуществление уже установленного залога.

При сохранении и удержании прав Д.И. Мейер имел в виду «право владельца вещи другого лица не передавать его владельцу до выполнения обязанности, возложенной на владельца, а лицо, владеющее этой вещью, не имеет права удовлетворить свою претензию путем продажи или присваивая вещи». Посредством самовольного установления права ученый понимал право человека «захват вещи и удержание ее до тех пор, пока не будет удовлетворено его требование к владельцу вещи, а в случае неудовлетворенности заявить о продаже вещи и из вырученной суммы получить удовлетворенное решением». Изучив действующее в то время законодательство Российской империи, а также положения римского права и зарубежного гражданского права, К. Анненков определяет произвол (самоуправство), как «самовольное нападение на личность или имущество другого для осуществления своих прав» [2].

К.Н. Анненков отметил, что в современном российском законодательстве, «как в римском законодательстве и саксонском уложении, существует общий запрет внесудебного осуществления прав, как средства крайнего осуществления прав собственности». Ученый не рассматривал самоуправством случаи реализации права удержания из-за отсутствия признака самовольного изъятия имущества из владения другого лица. В то же время он полагал, что «римское право, так же как и саксонское уложение, не только рассматривает сохранение вещи, которая должна быть передана другому лицу без какой-либо причины, кроме произвола, но и создает даже особое право удерживать ее в пользу владельца, когда он, в свою очередь, не имеет встречных претензий к лицу, имеющему право на вещь, в виде понесенных на нее расходов».

© Самоуправству ученый Анненков К.Н. противопоставлял самооборону как средство защиты или защиты гражданских прав от содействующих лиц. «С учетом этого обстоятельства, – пишет ученый, – нет ничего удивительного в том, что самооборона, в отличие от самоуправства, как единственного средства защиты прав, а не как нападения, в виде их самовольного осуществления, как правило, разрешено гораздо шире, чем самоуправство».

В качестве видов самообороны К.Н. Анненков приводил следующие примеры защиты от незаконных посягательств: – удаление владельцем своего дома посторонних лиц, которые вошли в него и не перемещаются оттуда вопреки требованию владельца; – самозащита от чужих животных; – уничтожение или повреждение других предметов, произвольно введенных в собственность владельца, не угрожающих опасности, не причиняющих вреда или препятствующих владению и использованию; – уничтожение препятствий, которые кто-либо создает для спокойного использования имущества [2]. В советское время из-за узкой сферы прав собственности институт самозащиты гражданских прав не был развитым институтом системы правовых норм. Советское государство только объясняет возможность самозащиты гражданских прав без подробных деталей его типов. На практике суды по гражданским правам часто квалифицируют суды в качестве самоуправства или выходят за рамки необходимой защиты.

В Конституции Российской Федерации пределы осуществления прав и свобод человека и гражданина, включая право на самооборону, регулируются в части 3 статьи 17, которая гласит, что осуществление прав и свобод человека и гражданина должно не нарушать права и свободы других лиц (часть 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации). Самозащиту гражданских прав следует понимать как совершение уполномоченным лицом действий, допускаемых законом реального порядка, направленных на защиту его личных или имущественных прав и интересов. Недостатком правового регулирования является то, что законодатель определяет право на самооборону в общих условиях, не уточняя его. Согласно статье 14 Гражданского Кодекса Российской Федерации, самозащита гражданских прав допускается [1].

Методы самозащиты должны быть пропорциональны нарушению прав и не выходить за рамки действий, необходимых для его предотвращения. Пленум Верховного и Высшего Арбитражного Суда разъяснен данные нормы в пункте 9 Постановления № 6/8 от 1 июля 1996 г. при разрешении споров, возникающих при защите прав граждан или юридических лиц (статья 12 и 14 Гражданского

Кодекса Российской Федерации). Понятно, что самозащита не может быть признана законной, если она явно не соответствует методом и характеру нарушения, а возможный вред является более значительным, чем предотвращенный.

Пленум определяет два условия, при наличии которых самозащита может быть признана законной, – это действия, посредством которых осуществляется самозащита, и эти действия должны соответствовать способу и характеру нарушения и их последствиям. Это не должно превышать предотвращенный вред. Судебная практика часто сталкивается с трудностями при определении границ осуществления права на самозащиту, поскольку в законодательстве нет четких критериев для определения границ применения закона. В юридической науке не определена сфера отношений, на которую может распространяться защита гражданских прав. Есть некоторые мнения об этой правовой категории. В первом подходе под самозащитой понимаются действия, направленные на защиту нарушения гражданских прав.

Так, В.П. Грибанов отметил, что «самозащита гражданских прав представляет собой выполнение управомоченным лицом не запрещенных законом действий реального порядка, направленных на защиту его личных или имущественных прав и интересов». Второе мнение ограничено сферой самозащиты договорными отношениями. Третий подход объединяет взгляды представителей первого и второго взглядов. По его словам, самозащита – это действие по защите от нарушения гражданских прав, как в недоговорных, так и договорных отношениях [4].

Мнение о самозащите Веретенникова С.Н. Считается, что самозащита должна включать не только действия, направленные на защиту, но и предотвращение гражданских правонарушений, в том числе в области частной собственности. Он приписывает самозащиту закона методам, которые предотвращают или удерживают нарушение закона [3].

Представляется, что самозащита гражданских прав возможна в договорных и недоговорных обязательствах. В договорных отношениях

стороны прибегают к методам самозащиты в случаях невыполнения или ненадлежащего исполнения обязательств между собой, либо стороны могут установить методы самозащиты на будущее. Одним из проявлений самозащиты является удержание имущества кредитором, несмотря на то, что Гражданский Кодекс Российской Федерации трактует иск, как один из способов обеспечения исполнения обязательств (статьи 329, 359, 360 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Удержание вещи допускается до тех пор, пока обязанность не будет выполнена. Кроме того, требования кредитора, которые удерживают вещь, могут быть удовлетворены ценностью вещи. В таких случаях владелец имущественных прав защищает свои права и интересы своими действиями, не обращаясь в суд. Остается неясным вопрос о том, какие стандарты следует применять, если меры самозащиты, предусмотренные в договоре, превышают предотвращенные убытки: положения, основанные на свободе договора или защите гражданских прав.

Например, договор аренды предусматривает возможность блокировки транспортных коробок в случае неуплаты аренды, а сумма ущерба от такой блокировки превышает сумму задолженности по аренде. В связи с этим законодательство должно предусматривать норму, позволяющую использовать меры самозащиты в соответствии с условиями договора, даже если меры самозащиты не соответствуют характеру и способу нарушения и превышают предотвращенные убытки. В этом случае меры самозащиты, предусмотренные договором, могут рассматриваться, как форма гражданско-правовой ответственности.

В неконтактных обязательствах меры самозащиты принято классифицировать, как необходимые меры защиты и действия в крайней необходимости. Меры самозащиты также включают действия в интересах других лиц без поручения (глава 50 Гражданского Кодекса Российской Федерации), если эти действия направлены на устранение угрозы нарушения прав или защиту уже нарушенного права. Но в современном российском

законодательстве институт самозащиты прав собственности и других имущественных прав не сложился [1].

Однако следует отметить, что институт самозащиты имеет давнюю историческую подоплеку. В дореволюционном гражданском праве внесудебная защита гражданских прав рассматривалась, как необходимая защита, состояние крайней необходимости и разрешенного самоуправства или самопомощи. Разрешенное самоуправство определяется, как «право на самопомощь для восстановления нарушенного правового статуса». Институт защиты гражданских прав, в том числе вещных прав, получил большое внимание в Гражданском уложении Германии. В то же время, как и в российском гражданском праве, самозащита отличалась в форме необходимой защиты и крайней необходимости самопомощи. Следует отметить, что институт самозащиты в германском праве достаточно развит и регулирует возможность применения их как в материальном, так и в обязательном праве.

Таким образом, германские законодатели выбрали следующий подход к пониманию самозащиты. Они предприняли попытку перечислить все возможные способы самозащиты в кодексе, который подробно регулирует самозащиту, как в праве собственности, так и в праве обязательств. Например, если одно лицо имеет собственность, принадлежащую другому через права собственности, и нынешний владелец завтра покинет страну и заберет ее с собой, последний может, согласно германским законам, использовать «самопомощь» (§ 229 ГГУ) даже с применением силы.

В германском праве это называется «право кулака». Такой подход к регулированию самозащиты обладает существенным потенциалом и может быть воспринят российским правом. В целях недопущения самоуправства Гражданский Кодекс Российской Федерации должен иметь нормы права, детально регламентирующие применение самозащиты в вещном праве, в том числе в качестве превентивной меры, и в обязательственном праве. Ведь согласно ст. 12 Гражданского Кодекса РФ гражданские права можно защищать только способами, установленными законом. Большинство из способов защиты

предусматривают судебную защиту гражданских прав, а нормы института самозащиты настолько размыты, что не позволяют гражданам в полной мере воспользоваться этим правом [1].

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 1994. №32. Ст. 3301; Собрание законодательства РФ. 2019. № 27 (часть II). Ст. 4287.

2. Анненков К. Система русского гражданского права: Введение и общая часть. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1894.

3. Веретенникова С.Н. Меры самозащиты в российском гражданском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2014.

4. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав / Науч. ред. В.С. Ем. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2015.

5. Мейер Д.И. Русское гражданское право. В 2-х частях: по исправленному и дополненному 8-му изданию, 1902 г. М.: Статут, 1997.